

A man with brown hair and a light beard, wearing a white lab coat over a blue shirt and dark tie, stands behind a woman. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a colorful floral dress. She is holding a grey and white tabby cat. They are in a brightly lit indoor space, possibly a hallway or a modern office.

Юлия
Обручева

Счастье
пахнет
ВАЛЕРЬЯНКОЙ

Юлия Обручева

Счастье пахнет валерьянкой

<https://litres.ru/74609188>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Выбирай — или я, или кот!

Недовольно морщась, Денис принялся к ботинку и сердито посмотрел на моего Ваську. А тот, встопорщив шерсть, выгнул спину дугой и презрительным шипением выразил все, что думает о моем женихе.

«Два эгоиста — слишком много для меня одной», — вздохнула я.

И выбрала кота.

Теперь у меня в шкафу висит бесполезное свадебное платье, рядом хромает на одну лапку обиженный Василий. Еще и мама в слезах — ее надежды выдать свою пышку замуж отправились Василию же под хвост.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	55
Глава 9	60
Глава 10	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юлия Обручева

Счастье пахнет валерьянкой

Глава 1

— Твой кот опять нагадил мне в ботинок!

Когда Денис злится, его лицо идет пятнами, а глаза выка-
тываются из орбит. Сейчас он не просто злится. Сейчас он
в ярости. И выглядит совсем не таким красавчиком, как на
фотографиях в соцсети.

— Денис, не злись, прости его, — пытаюсь я сгладить кон-
фликт. — Васька медленно привыкает к новым людям.

Но жених меня не слушает.

— Это он специально! — обличающе тычет он пальцем на
четырёхлапого проказника. — Ты посмотри на его наглую
шерстяную морду, он же осознанно издевается надо мной.

— Денис... Это кот. Всего лишь кот.

— А я твой жених. Тоже всего лишь жених, да?

В его голосе появляются противные едкие нотки. Они на-
живую режут по нервам, и я прошу Вселенную успокоить мо-
его вспыльчивого жениха. Или дать мне терпения.

— Деня, ну что ты завелся из-за пустяка, — пытаюсь его

обнять, но любимый, взмахнув рукой, легонько толкает меня в плечо.

Пошатнувшись, я отступаю на полтора шага назад, цепляюсь каблуком за коробку из-под пиццы и взмахиваю руками в попытке удержать равновесие.

В этот момент насмерть перепуганный Васька мчится прямо мне под ноги.

Чтобы не наступить на пушистого друга, делаю невообразимое па, но балерина из меня так себе, и я, тихо вскрикнув, приземляюсь на пятую точку рядом с тапками и бутылкой от кваса.

И смотрю, как встопорщенный полосатый хвост исчезает в кошачьем домике.

Пятая точка нещадно ноет.

Надо было положить ковролин, а не ламинат — не так больно бы приложилась. Но за ковролин выступала мама, а у меня после покупки собственной квартиры возник дух противоречия. И я захотела всю мебель и отделку выбрать сама.

Вот и выбрала на свою ж... голову.

— Из-за пустяка? Ты обесцениваешь мои проблемы! — с обидой в голосе возмущается Деня. — Ты меня газлайтишь.

С недоумением смотрю на мужчину, с которым решила соединить свою жизнь.

— Денис, нам надо серьезно поговорить, — вздыхаю я.

— Именно, Аня, нам надо поговорить! Я расскажу тебе, что меня не устраивает в наших отношениях.

— И что же тебя не устраивает в наших отношениях? — отвечаю эхом, осматривая свою одежду и пытаюсь принять хотя бы сидячее положение.

— То, что ты не считаешься со мной ни на грош.

— Как ты можешь такое говоришь, Денис?!

Слышу, что и мой голос начинает звенеть от напряжения. Пытаюсь сбавить обороты, но обида выбивает воздух из груди, бурлит в венах.

— Я все время спрашиваю тебя, что приготовить на завтрак, обед и ужин! — Знаю, что надо замолчать, но не могу остановиться. — Мы смотрим только те фильмы, которые нравятся тебе, и музыку слушаем только ту, которая тебя не раздражает...

— Я просил тебя похудеть, а ты?

Короткая, емкая фраза обрывает мою тираду.

Чувство вины хватает за горло, и я опускаю глаза. Я честно сижу на диете и, как маньячка, считаю проклятые калории, но весы изо дня в день показывают одно и то же число. Слишком большое, чтобы можно было закрыть на него глаза.

Ладно, бывает, я срываюсь. Делаю набег на кондитерскую, хомячу пару пирожных и снова сажусь на диету.

Вот и вчера я зашла только посмотреть, есть ли мой любимый «Лесной мох».

Ко мху добавилась пицца, которую принес Денис, и квас. Зато сегодня я честно голодаю.

— А кот? Я же просил пристроить его кому-нибудь!

В ответ я лишь снова тихо вздыхаю.

— И не надо мне лить в уши отговорки, что его никто не хочет забрать. — Глаза Дениса краснеют от напряжения. — Готов поспорить, что объявление ты так и не опубликовала.

— Да, — устало киваю я.

— Вот видишь! Ты все время мне лжешь.

— Деня...

— Если хочешь, так и быть, отвезу его родителям в деревню. Там будет свежий воздух, уйма мышей, раздолье...

— Васька — домашний кот, уличной жизни он котенком хлебнул сполна. — Ищу взглядом хвостатого непоседу. — До сих пор за дверь квартиры боится выглядывать.

— Просто ты его разбаловала. Захочет выжить — освоится в деревне как миленький.

— Деня, пожалуйста, прекрати... — Его повышенный голос звоном отдается в висках, и в голову словно вдавливаются металлический обруч.

— А то что?

— У меня начнется мигрень. Ты же знаешь, как мне плохо от нее бывает.

— Мигрень начнется и закончится, а все наши проблемы останутся.

От безразличия и несправедливых слов мне становится больно. Слезы наворачиваются на глаза.

— Ты прав, — слышу, как дрожит мой голос. — Проблемы останутся. Навсегда.

Неловко встаю. В глазах щиплет.

— Ну вот, опять в слезы! — закатывает глаза тот, кто должен стать моим мужем. Моей опорой.

— Денис, будь другом, уйди.

— Что?

— Ты меня услышал. Пожалуйста, уйди. Мне надо побыть одной.

— Прогоняешь, значит, — голос жениха снова повышаетс. — Для тебя кот оказался дороже, чем я. Невероятно!

— Дело не в коте, — чеканю я каждое слово. — Уходи.

— Я-то уйду, не вопрос. А вот ты... ты на себя в зеркало давно смотрела?

Денис срывает куртку с вешалки, хватая свою стильную сумку и в нерешительности замирает перед ботинками.

— И что я в нем должна увидеть, по-твоему?

Денис начинает громко раскатисто хохотать.

Затем морщится, надевает туфли и дергает дверь. Поворачивается. Сведенные к переносице брови и прорезавшиеся морщины выглядят зловеще. В фильмах так выглядит злодей в момент истины.

— Ты изменилась. Я полюбил совсем другую Аню. Стройную. Нежную, чувственную, понимающую...

— Выполняющую каждый твой каприз, — перебиваю я его. — Кота я никому не отдам. Сегодня Васька лишний. А завтра ты скажешь, что лишняя я.

Лицо Дениса опять идет пятнами.

— Раз так, между нами все кончено. Если найдешь идиота, который захочет на тебе жениться, стукни в мессенджер. Так и быть, загляну на свадьбу.

Щелкает дверной замок.

— Только он еще должен быть слепым... — кричит Деня на весь подъезд, и я изо всех сил затыкаю уши.

Глава 2

Захлопываю дверь, приваливаюсь к ней спиной и закрываю глаза.

Хочется заплакать навзрыд. Чтобы слезы ручьем текли по лицу. Может, вместе с ними уйдет горечь и обида.

Денис лгал, когда говорил, что полюбил меня стройной. Никогда я не была худышкой. Такая у меня наследственность. Мама полная, бабушка совсем кругленькая. Ну и я закругляюсь понемногу.

Ни одна диета мне еще не помогла. Я даже голоданием занималась.

На одной воде похудела на восемь килограммов за две недели. Вот только в те дни я к семи вечера уже валилась с ног от усталости и ложилась спать.

А как только перестала голодать, все сброшенное вернулось с лихвой.

И вообще, мы с Денисом весим одинаково — девяносто килограммов.

Только, с его почти двухметровым ростом, Деня кажется дрыщом, а я, со своими ста шестьюдесятью сантиметрами, выгляжу форменным колобком.

От несправедливости режет в груди.

Пытаюсь переключиться на мысли о хорошем, но ничего не получается. Память предательски возвращает мне по-

следние слова Дениса, и сердце надрывно ноет.

Моих ног касается теплая мягкая шерстка. Слышится слабое мурчание. И сразу на душе становится легче.

Беру Василия на руки.

— Ну поздравляю. Ты выиграл, — глажу его по пушистой спинке. — Опять мы с тобой остались одни. Ты очень рад, да, Вась?

Подмяукнув, кот жмурится и еще сильнее мурчит.

— Вот же наглец! — тереблю его за ушком. — Разбаловала на свою голову.

Вася вытягивает голову, трется мордочкой о мой подбородок и преданно смотрит в глаза.

Жаль, говорить не умеет: мне сейчас очень нужна компания.

Одна я чокнусь.

Или напишу Денису какое-нибудь непотребство.

И не важно, будет это признание в любви или подробный маршрут пешего эротического путешествия, в которое посылают особо отличившихся.

Ставлю Ваську на пол, и он, поняв, что кормить его не собираются, мотает напоследок хвостом и скрывается в зале.

А я, пока не случилось непоправимое, набираю сообщение подружке:

«Привет! У меня катастрофа, Лен. Или точнее, кóтострофа...»

«Скоро буду, жди», — мгновенно прилетает ответ.

За окном небо затянуло серыми тучами, моросит тихий, занудный дождик. Так и тянет развалиться на диване с книжкой и нырнуть в очередной любовный роман — подальше от реальности, где все сложно и непонятно.

Но надолго расслабиться не получится — скоро нагрянет Ленка. А это значит: включаем режим «аналитиков по бывшим» и готовим место для обсуждений уровня «психологическая драма с элементами комедии».

Через час дверь распахивается — подруга влетает, как всегда, с напором. В одной руке у нее темная бутылка, в другой — пакет из магазина. На лице боевой настрой: что-то между «сейчас всех порвем» и «мне нужна правда, вся и сразу».

— Ну, выкладывай, — скидывая обувь, говорит она прямо у порога и направляется на кухню. — Я захватила суши.

Она плюхается на кухонный диван, устраивается поудобнее. Василий выходит ей навстречу, вальяжно принимает к пакету.

Мой голос предательски дрожит. Слова сбиваются, цепляются друг за друга. Я сама от себя не ожидала такой сумбурной речи — даже на гosaх в универе говорила увереннее.

Подруга слушает, приоткрыв рот.

— Так и сказал: «Или я, или кот»? — ахает она.

— Да, можешь себе представить? — достаю тарелки, выкладываю на них суши.

Васька начинает нервно суетиться. Запрыгивает на диван,

хочет забраться на стол. Лена перехватывает его и усаживает к себе на колени.

— Ну... У него, конечно, морда наглая, — фыркает подруга. — Но чтобы из-за этого уходить?

Я сажусь рядом, смотрю на кота. Мы замолкаем.

— Денис сказал, что Васька разрушает ему психику. Что кот его презирает.

— Хм... Он и на меня сейчас смотрит как владыка Вселенной. — Лена гладит его по спинке. — Слушай, давай по-честному: если мужчина не может ужиться с котом, с которым ты живешь уже три года, то он не о тебе заботится. Он конкурирует. С котом. От такого мужика надо бежать, роняя тапки.

Я многозначительно хмыкаю.

— Хотя... — протяжно вздыхает она, — я бы тоже не хотела конкурировать с существом, которое умеет открывать шкаф и выглядит как божество.

Васька ерзает, крутится на месте. И спрыгивает на пол.

— И как эти японцы едят свой рис? — Лена берется за палочки и пытается поднести ими ко рту суши. — Из них же все вываливается обратно в тарелку!

— А что, если я так и останусь одна? — Я тоже вооружаюсь палочками.

Опять повисает звенящая тишина.

— Ты не одна. У тебя есть кот с харизмой и лицензией на презрение. — Смех в ее голосе поднимает мне настроение.

— И я. Я тоже презираю всех твоих бывших.

Мы смеемся, налетаем на суши. Васька вертится под столом и время от времени жалобно мяукает.

Лена неловко роняет кусочек. Тот весело подпрыгивает, скользит по полу и останавливается у ножки стула. Подруга мгновенно вскакивает. Опередив кота, она подбирает его двумя пальцами и начинает озираться в поисках мусорки.

Замечает ее в углу, быстро подбегает, выбрасывает развалившуюся еду и отходит на шаг назад, слегка морщась от произошедшего.

Душераздирающее «Мяу!» заставляет кровь застыть в жилах.

— О господи! Васька?! Прости, я не видела тебя! — всплескивает руками подруга.

Кот отбегает в сторону, немного приподнимает одну лапку и аккуратно хромает к коридору.

— Он хромает! Серьезно! Аня, ты видишь?! — В голосе Лены слышатся панические нотки. — Он хромает! Боже, я ему что-то повредила!

— Без паники. Может, просто ушиб. — Я вскакиваю с места, но Васька успевает скрыться из моего поля зрения. — Он наступает на лапу?

— Да... вроде наступает. Но осторожно, — вздыхает Лена. — Все, я не могу. Я позвоню Антону. Он же ветеринар, пусть скажет, что делать.

— Хорошо иметь подругу, у которой парень ветеринар.

— Я пытаюсь улыбнуться, пока Ленка набирает номер.

Затем иду в гостиную, беру кота на руки. Целую в пушистую голову, но Васька обиженно отворачивается.

— Посмотри, двигаются ли пальцы? — повторяет Лена вопрос Антона и передает мне телефон.

— Да.

— Отек есть?

— Непонятно, он пушистый...

— А ходит как?

Я ставлю Василия на лапы, и мы наблюдаем не самую радостную картину.

— Немного хромает, но не сильно.

— Ясно. Пациенту рекомендую полный покой, любимые вкусняшки по запросу и питье, — бодрый и спокойный голос Антона действует на меня умиротворяюще. — Если завтра не станет лучше, привози ко мне, сделаю снимок.

Я вздыхаю и заканчиваю разговор:

— Спасибо, Антон.

В этот момент Васька оглушительно чихает, как будто хочет привлечь к себе внимание.

— Ань, глянь, у него глаза какие-то красные, — с тревогой смотрит на него Лена.

— Да, вижу... Завтра точно зайдем в клинику, — киваю и ласково зову кота. — Васька, иди сюда, я тебя вкусняшкой угощу.

Прихрамывая и всем своим видом показывая, что делает

это вовсе не ради еды, а просто так, из вежливости, кот неторопливо плетется за мной.

Глава 3

На следующее утро я первым делом угощаю Ваську лакомством, долго выглаживаю. Пока держу его на руках, ничего не понятно. Наконец, опускаю его на пол.

— Ну как твоя лапка, Вась? — вопрошаю я, заглядывая коту в глаза, как будто он может мне ответить.

С безразличным видом Василий хромает к креслу.

Что же, ясно-понятно.

Снова глажу пушистую спинку и достаю еще одну вкусняшку, в качестве компенсации за предстоящий стресс. Потому что бывать у ветеринаров мой кот терпеть не может.

Васька хрустит лакомством и позволяет запихнуть себя в переноску.

Я хватаю ее и спешу на улицу.

Сегодня у меня еще и собеседование. Важно прийти вовремя и желательно вид иметь не такой, будто я побывала в катастрофе. Ага, расскажи Богу о своих планах...

Я бодро шагаю по широкой велосипедной дорожке. В одной руке переноска с Василием, в другой сумка. Васька мирно таращится на улицу сквозь сетчатое окошко, иногда мяукает, будто комментирует происходящее.

Солнце припекает. На секунду я опускаю взгляд в телефон — глянуть карту. Клиника, судя по всему, уже почти за углом. Ну сейчас-то ничего не может пойти не так, правда?

И тут — резкий звук сзади.

— Эй! Осторожно! — кто-то вскрикивает за моей спиной.

Но уже поздно. В бок ударяет нечто тяжелое и скоростное.

Перед глазами мелькает асфальт, небо, переноска, сумка

— эффект как в кино при ускоренной перемотке.

Бах! — я на колене, переноска с глухим стуком шмякается о землю, замок слетает. Рядом с ней падает самокат, а его пилот — молодой мужчина — подскакивает на ноги.

Переноска распахивается.

— Нет... — в ужасе выдыхаю я.

Васька мчится в кусты. Только хвост успевает мелькнуть — и все. Кот исчез.

— Васька! — кричу я. — Васька!

— Черт! — вскрикивает мужчина, подавая мне руку. — Простите, я не успел затормозить! Вы не ушиблись? Где он?

Я встаю, шипя от боли: колено жжет нестерпимо.

— Ты вообще смотришь, куда едешь?! Со мной был кот! Он болеет! Не хватало только, чтобы он потерялся на улице...

— Я найду его. Как его зовут? Васька?

— Да.

— А я Кирилл, — улыбается мужчина. Только меня его улыбка раздражает еще сильнее. Нашел время знакомиться.

— Аня, — бормочу я себе под нос и хромаю в сторону, куда смылся Василий.

Кирилл шустро роется в кустах, ворошит кочки травы, за-

глядывает под лавки.

— Васька! Кис-кис! Васька!..

С пустой переноской и сумкой в руке я плетусь следом, прихрамывая и тихо повторяя:

— Васька... Вернись, пожалуйста...

А в голове маячит мысль: «Вот и сходила в ветклинику, вот и получила новую работу...»

Куст за кустом, лавка за лавкой мы с Кириллом обшариваем весь парк. Я теряю счет времени. Мы нагибаемся и смотрим под дно каждой машине. Даже у прохожих спрашиваем, не попадался ли серо-белый кот — «обычный такой, испуганный...»

Но никто, конечно, ничего не видел. Васька как в воду канул.

Кирилл оббегает дворы близлежащих домов.

— Там, — запыхавшись, выдавливают он и показывает рукой в сторону серой многоэтажки, — какая-то дверь в подвал. Темно, но она приоткрыта. Может... — он не успевает закончить.

Я тут же срываюсь с места, и мы спешим к безликому строению.

Сердце стучит, как будто собирается устроить мне отдых в интенсивной терапии.

Дом — типичный городской зомби: облезлый, в граффити и плесени. За углом — ржавая железная дверь, приоткрытая до небольшой щелки. Изнутри тянет влагой, пылью и чем-

то, подозрительно похожим на грязные носки.

— Васька! — зову, голос дрожит. — Это я...

Тишина. Потом — шорох. Глубоко в темноте.

Мы оба замираем.

— Там кто-то есть, — шепчет Кирилл, достает телефон, смотрит на треснутый экран и хмурится. Но фонарик включает.

Свет выхватывает ведущую вниз лестницу, облезлые трубы и... два глаза, светящиеся в углу.

— Васька! — Я не выдерживаю и бросаюсь вперед.

Мой кот сидит в углу, сжался в комок, будто только что сбежал из фильма ужасов. Сначала отпрянул, будто снова захотел сигануть в темноту, но потом узнал меня. Жалобно мяукнул.

— Малыш... — Я аккуратно беру его на руки, прижимаю к себе.

Вид у него как у завалявшейся в чулане тряпичной куклы: весь в пыли, с паутиной на усах.

— Прости меня, — шепчу.

Васька не сопротивляется, только чуть дрожит. И потихоньку, словно полусшепотом, начинает мурлыкать.

Кирилл облегченно выдыхает:

— Ну вот, а ты боялась, что не найдем.

— Спасибо, — говорю я, не глядя. — Если бы не ты, я бы его не нашла.

— Да ну, — отмахивается он. — Это ж я виноват. Хоть

чем-то загладил.

Стоит в стороне, весь растрепанный, вспотевший. И с улыбкой.

— Я тебя до дома провожу. Или может, сначала к ветеринару?

— Спасибо, — качаю головой. — Я справлюсь.

Прижимаю Ваську покрепче, и мы втроем, уставшие и взбудораженные, выбираемся из подвала.

К полудню воздух раскаляется и становится почти липким от влажности. Дышится тяжело, хочется застыть на месте и не шевелиться.

Васька, вернувшийся в переноску, разделяет мое состояние: полудрема, почти безнадега.

Переноска в руке у Кирилла. Он молча идет рядом и другой рукой катит потрепанный самокат, для которого, судя по всему, сегодняшнее дорожное приключение далеко не первое.

Я тоже молчу.

У самой двери клиники мы притормаживаем, и я забираю кота.

— Спасибо тебе, правда, — говорю тихо. — Что помог. И вообще...

Кирилл пожимает плечами:

— Да ладно. Было бы странно уйти и оставить тебя один на один с этим кото-апокалипсисом.

Он усмехается — не то холодно, не то устало. Я отвожу

взгляд.

На фоне всей этой беготни, паники и пыли вдруг замечаю, что футболка неприятно тянет под мышкой, пот стекает со лба и щекочет кожу.

И думаю, до чего же нелепо я выглядела, когда пыталась догнать кота.

Сразу хочется испариться. Или хотя бы стать невидимой.
— Ты, наверное, подумал, что я не в себе, — бормочу я.
— Почему? — щурится на солнце Кирилл. — Из-за кота?
Или из-за...

Он осекся, будто хотел что-то сказать, но передумал.
— Не бери в голову, — взмахивает рукой. — Кот нашелся, ты цела — все остальное ерунда.

Я крепче сжимаю ручку переноски и киваю.
— Аня, ты чего? Я что-то не то сказал? — голос у него становится чуть мягче. — Ты нормальная. И кот у тебя нормальный. Только по велодорожкам с ним больше не ходи. Аварий меньше будет.

И он натянуто улыбается.
— Ладно, мне пора. Самокат еле дышит, а мне нельзя опоздать на работу.

Он направляется прочь, катя свой потрепанный самокат. А я стою у двери и смотрю ему вслед.

Васька в переноске оживает и выдает тихое «мяу».
— Ну что, Вась, теперь к ветеринару, — нарочито бодро произношу я.

Второй «мяу» оказывается более выразительным, с претензией.

— А кто говорил, что будет легко?

Кирилла уже и след простыл, а мои щеки все еще горят, и я никак не могу избавиться от смущения.

Стараясь не думать о пережитом позоре, я открываю дверь и захожу внутрь.

Глава 4

Стоит мне только переступить порог ветеринарной клиники, как Василия словно подменили. Он начинает жалобно подвывать в переноске и время от времени выразительно чихает — так, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что ему плохо.

За стойкой сидит девушка в голубом халате. Услышав кошачьи страдания, она сразу поднимает глаза:

— Здравствуйте. Вам срочно?

— Да, — киваю я. — Вчера ему наступили на лапу, а сегодня он перепугался и убежал. Теперь чихает и хромает.

— Кот?

— Кот.

— Кабинет номер два. Прямо и налево.

Кабинет оказывается уютным и аккуратным, в нем пахнет чем-то успокаивающим. Нас встречает Антон — человек, которому я безоговорочно доверяю судьбу пушистого пациента.

Приоткрываю переноску, и Василий неохотно, будто делая одолжение, вылезает из нее, прихрамывая на переднюю лапу. Для убедительности он еще раз чихает.

Антон начинает осмотр: лапы, живот, нос, уши. Васька фыркает, но терпит. Понимает, видимо, что все во благо. А может, просто устал. Да и Антона он знает, хоть и привык

встречаться с ним в другой обстановке.

— Температура чуть повышена. Лапка не сломана, но ушиб приличный, — говорит Антон, поглаживая кота между лопаток. — Нос заложен — видимо, нахватался пыли, пока прятался в подвале. Может быть, аллергия, может, просто стресс.

Я молча киваю и чувствую, как подступают слезы. Может, это мне нужен укол от тревожности?

— С ним все будет хорошо?

— Конечно. Сейчас сделаю укол антибиотика. Выпишу капли от насморка и для глаз — они у него тоже воспалились. Через пару дней будет как новенький.

Антон достает шприц.

— Держи его крепко. Не бойся, все под контролем.

Кот не сопротивляется. Лишь тонко мяукает, когда игла входит в холку, и утыкается в меня мордочкой. Сердце мое сжимается — в такие моменты Васька особенно похож на людей.

Через несколько минут он снова устраивается в переноске, все еще уставший, но заметно успокоившийся.

— Спасибо, — тихо говорю я, подходя к двери.

— Береги его. И себя тоже.

Я киваю, крепче сжимаю переноску и отправляюсь по коридору на выход.

На улице уже вовсю светит солнце, время поджигает: собеседование не за горами. Но главное — лапка Васи не сло-

мана и сам он после утреннего побега жив и относительно здоров.

А с остальным я разберусь.

Я стою у зеркала в вестибюле больницы и уже в десятый раз дергаю воротник. Белая блузка сидит неидеально по сравнению с тем, как она выглядела дома.

И лента в волосах, красная с веселенькими блестками, кажется лишней.

Прохожу по гнетущему тускло освещенному коридору, прижимая к себе, словно щит, папку с резюме. Воздух здесь — смесь хлорки и тревоги — давит даже сильнее, чем перспектива встречи с заведующим.

Это место, где я давно мечтала работать. Оно рядом с домом и считается хорошей больницей, где бережно относятся и к пациентам, и к своим сотрудникам.

Пройдя изнурительную учебу и практику, выдержав ночи зубрежки, когда кофе заменял сон, я почувствовала, что теперь способна, наконец, поступить сюда на работу.

Но одна вещь напрочь лишала меня уверенности — мой вес. На него всегда смотрели косо.

Даже Кирилл, когда суета погони за Васькой прошла, остыл, увидев, какая я толстая.

«Вес — это не критерий профессионализма! Ты умная, ты справишься!» — звучит в голове подбадривающий голос мамы.

И я глубоко вдыхаю, надеясь унять сердцебиение.

«Это всего лишь собеседование. Одно я уже прошла, осталось финальное, — шепчу я себе. — Сейчас главное — понравиться заведующему, и дело в шляпе».

Я вхожу в приемное отделение травматологии: длинный коридор, голоса, скрип каталок — все как в сериале про больницу, только без закадровой музыки и с запахом антисептика.

На меня бросает хмурый взгляд женщина за стеклянной перегородкой.

— На вакансию медсестры?

— Да, на собеседование.

— Кабинет семнадцать, в самом конце.

Стараясь не смотреть на пациентов, я минуя еще один коридор. Гипсы, бинты, каталки — все это будет потом: когда... вернее, если меня примут на работу.

А пока я здесь никто. И вести себя стараюсь соответственно: шаг тихий, взгляд вперед, эмоции при себе.

Каблуки вот только решают жить своей жизнью и стучат по кафелю как молотки.

Зря я их надела. Но теперь поздно об этом жалеть.

Табличка на двери золотистыми буквами оповещает, что здесь кабинет Завгородского К.А., заведующего первым травматологическим отделением, врача первой категории.

Глубоко вдохнув, стучу.

— Войдите, — звучит изнутри.

Голос кажется подозрительно знакомым. Открыв дверь, я застываю на месте.

За столом сидит Кирилл.

Врачебный халат, стетоскоп на шее, на голове колпак, из-под которого выбиваются чуть удлинённые, с завитками волосы.

Он смотрит в документы и не сразу поднимает глаза. Но когда поднимает, лицо его вытягивается.

Секунду мы оторопело смотрим друг на друга.

— Аня?..

— Кирилл?..

— Андреевич, — уточняет он, приподняв бровь.

В наступившей тишине можно услышать, как сжалось мое сердце.

— Ну надо же, — откидывается он в кресле, криво усмехаясь. Но в глазах у него не усмешка. Скорее, растерянность.
— Вот это совпадение.

«Чего-чего, а такого «совпадения» мне сейчас как раз и не хватало», — вздыхаю я мысленно и вцепляюсь в свою папку так, что белеют костяшки пальцев.

— Я не знала, что ты... вы здесь работаете, — бормочу я и замолкаю.

Я пришла сюда, чтобы быть сильной. А сейчас снова чувствую себя растерянной девчонкой с испуганным котом в руках.

— Если бы знала — не пришла бы? — спрашивает он,

пристально глядя в глаза.

Ответить мне нечего, и я молчу.

— Садись, — показывает он на стул после паузы. Голос стал жестче. — Раз пришла, будем говорить по делу.

Я сажусь. Щеки вспыхивают, как будто кто-то щелкнул зажигалкой прямо у лица. Опять.

Почему мое лицо решает краснеть в самые неподходящие моменты? Ну не могла ли бы я хоть один раз остаться бледной и загадочной?

Неподвижно смотрю куда-то в область плеча Кирилла. Так безопаснее.

А он, снова откинувшись на спинку кресла, сцепляет пальцы за головой и мерит меня взглядом, в котором явно больше веселья, чем строгости.

— Ну раз теперь знаешь, готова работать вместе? Или, как Васька, сбежишь до начала смены?

Ах ты ж...

Щеки вспыхивают еще ярче.

Можно меня уже просто унести отсюда — вперед ногами или хотя бы в переноске?

— Не сбегу... Просто... это так неожиданно, — выдыхаю я, пытаюсь не провалиться сквозь пол от неловкости.

— Да уж, — хмыкает он.

В его тоне слышится усталая ирония, как будто он только что вернулся в кабинет после тяжелой операции.

Ну да, операции «Спасение рядового Василия»...

Я собираюсь с духом: нужно хоть чем-то уравновесить ситуацию. Пора включить юмор.

— И вообще, я думала, что травматологи избегают самокатов. Из заботы о коллегах... Чтобы им меньше было работы...

Кирилл ничего не отвечает. Просто открывает папку и с серьезным видом принимается листать мои документы.

— Опыт есть. Колледж с отличием. Рекомендация хорошая. Знаешь, может, ты и правда мне подойдешь, — говорит он, и впервые за все время в его голосе нет ни капли насмешки. Только легкое удивление.

Я выпрямляюсь. Внутренности протестующе дребезжат, но я держусь.

— Я умею работать, — отвечаю сухо. — Я не просто де-вушка с котом.

Он поднимает на меня взгляд и чуть прищуривается.

В этот момент он снова становится тем самым Кириллом, с которым мы искали сбежавшего Василия. Честным, упрямым и подозрительно проницательным.

— Да, это я уже понял. Только вот... — Он еще на секунду задерживает взгляд. — Уверена, что выдержишь? Это не просто перевязки и уколы. Тут кровь, слезы, крики. И никакой жалости. Особенно к себе.

— Я знаю, — тихо произношу. — Все равно хочу.

Он откладывает папку и встает, будто собирается огласить решение, которое принято окончательно и обжалованию не

подлежит.

— Ладно. Пойдем, покажу тебе отделение. Завтра выходишь на первую смену. Только прошу, без переносок, — в голосе его появляются веселые нотки. — Тут и без котов хватает воплей и драмы.

Я киваю, слегка улыбаюсь.

— Договорились.

И мы выходим из кабинета.

Пока идем по коридору, меня не отпускает вопрос: случайность это все или нет? Ведь говорят знающие люди, что ничего в жизни не происходит просто так.

Глава 5

Утром, проснувшись и покормив Василия, я спешу в больницу.

В отделении стоит непрерывный гул. Лифт фыркает, как сварливая бабка. Скрипят носилки, как дверцы старого шкафа. Кто-то стонет, кто-то кричит, кто-то ругается — так, что вянут уши.

Звуки, запахи, лица — все смешалось.

На мне новый халат, и белым он пробыл ровно три минуты. Пояс затянут так, что я чувствую себя колбасой в сетке. На груди бейдж: «Анна Тишкова».

Ну привет, новая жизнь. Руки дрожат так, что поднос с бинтами дважды едва не упал, — и это только начало.

— Медсестра! — рывкает Кирилл откуда-то из-за ширмы. — Где тебя носит? Я просил физраствор и стерильную повязку пять минут назад!

Я вздрагиваю.

— Я... я лоток искала, он был в другом шкафу... Простите.

— Быстрее надо искать. Ты тормозишь — коллег подставляешь.

Он не кричит. Но каждое слово произносит так, будто швыряет в меня кирпичом.

Кивнув, я прикусываю губу, разворачиваюсь и бросаюсь

назад к дальнему шкафчику. Когда возвращаюсь с повязкой, лотком и бутылкой, с меня ручьем стекает пот.

— Наконец-то! — Кирилл выхватывает повязку, бросает взгляд на мои руки и тут же кривится: — Ты в смотровых перчатках. Это нестерильные. Сними. Немедленно.

Чувствую, как кровь отливает от лица. Столько ошибок за час работы. Точно испытательный срок не пройду.

— Простите, я...

— Делай — потом извиняйся. Быстро.

Я стягиваю перчатки, и руки трясутся все сильнее. А Кирилл возится с разбитым коленом пациента. Спокойными, точными движениями, будто собирает конструктор.

— Дезинфекция. Подавай. Руками не трясси. Что с тобой? Вчера ты была спокойнее.

— Я просто волнуюсь. Не хочу ошибиться.

Он поворачивается ко мне. Впервые за сегодня смотрит не как на мебель. На секунду дольше, чем следовало бы врачу, раздраженному нерасторопной медсестрой. И вдруг отводит взгляд.

— Если будешь волноваться — точно ошибешься.

Мне хочется крикнуть, что это он и заставляет меня волноваться. Это он меня пугает, а не пациенты и не сложность работы.

Что я не глупая и не слабая. Просто это мой первый настоящий рабочий день.

Но я молчу. Потому что горло сдавило и я едва держусь,

чтобы не расплакаться.

Медсестра, работающая в паре со мной, держится невозмутимо, как если бы все происходящее было в порядке вещей.

— Оль, — приоткрывается дверь в процедурную, — идем, чай стынет.

— Подожди, Даш, — отвечает она, не отрываясь от работы, — мы с новенькой еще салфетки не нарезали.

И я все сильнее чувствую, что больше мешаю, чем помогаю.

— Что за новички пошли... — фыркает голос, и дверь захлопывается.

Проглатываю ком в горле.

Дальше все как в тумане. Подросток с переломом, бабушка с вывихом, женщина с ожогом. Кирилл как машина, и я словно его тень. Подай, убери, перевяжи. И все это без права на ошибку.

Один раз он шлепнул ладонью по тумбе так, что я подпрыгнула:

— Это нельзя ставить сюда! Тут зона для чистых инструментов! Ты что, не понимаешь?!

Я только выдохнула извинения и убрала поднос. Плечи горели как после каторжного труда.

Уйти?

Даже мысль не возникала.

Лишь раз, когда выдалась минутка, спряталась на лестни-

це, глубоко вдохнула — и украдкой вытерла лицо, как шпион под прикрытием.

К концу смены глаза режет от усталости и подавляемой обиды. Но я держусь.

Когда последнего пациента увозят в палату, Кирилл снимает перчатки и садится.

Я прижимаюсь к холодной стене. Молча. Сил не осталось, даже чтобы злиться.

— Устала? — спрашивает он, не глядя на меня.

— Очень, — выдыхаю я.

— Думаешь, это была худшая смена в твоей жизни?

Я, не раздумывая, киваю.

Он встает, подходит ближе.

— Но ты не ушла, — голос становится чуть мягче. — И не сдалась. Ты справилась.

Когда я поднимаю глаза, он смотрит на меня по-другому: все еще строго, но без ледяной отстраненности.

— Было очень тяжело, — бормочу я, — от ощущения, что все на меня смотрят и осуждают — за медлительность, за неуклюжесть...

На самом деле я хотела сказать: «Это ты. Ты меня судишь. Со своей «стерильностью» и своим постоянным командным тоном!»

— Ты не должна стесняться. Если боишься себя, пациенты это сразу чувят. И тогда никому не поможешь. Поняла?

Я встречаюсь с его взглядом. Прямым и грубоватым. С

нотками высокомерия.

— Поняла.

— Тогда до послезавтра.

— А как же завтрашняя смена?

— Тебе нужен отдых. — Кирилл швыряет перчатки в мусорку и выходит в коридор.

А я остаюсь стоять. Уставшая и помятая, но — впервые — с чувством, что справилась.

Домой я прихожу изможденная и злая на весь белый свет. Дверь за мной захлопывается, и ее громкий щелчок ударяет по нервам.

Сбросив обувь прямо у порога, я даже не успеваю вдохнуть запах родной квартиры, как из кухни выходит Василий. Он все еще немного хромотает на переднюю лапку.

— Привет, хромой герой, — выдыхаю я, падая на банкетку с таким звуком, будто из меня выпустили воздух, и прилоняюсь спиной к стене.

Сумка с глухим стоном плюхается рядом. Я утыкаюсь в стену затылком. Халат я сняла еще в больнице, но ощущение, что я теперь сама как ходячая больничка, никуда не делось. Будто запах больничной еды, антисептиков и раздраженных голосов въелся в меня на молекулярном уровне.

Васька подходит ко мне и деловито трется о колено, словно пытаюсь сказать: «Ну давай, рассказывай. Я тут весь день на хвосте сижу, между прочим».

Глажу его между ушей — этот ритуал отработан у нас до автоматизма — и поднимаю на руки. Утыкаюсь лицом в его мордочку. Пахнет теплом и пылью.

— Знаешь, Васька... — бормочу. — Он просто... ужасный.

Голос звучит неожиданно хрипло, будто я весь день провела на морозном воздухе.

— Кирилл — он совсем не такой, каким был вчера. Помнишь, как он носился по подворотням, звал тебя? А сегодня...

Васька чихает. Тихо, но выразительно. Почти с сожалением.

— Сегодня он наорал на меня, несколько раз. Сначала, потому что перчатки не те. Потом, потому что поднос не там. Потом... просто потому, что я дышу. Видимо, это его нервирует.

Вздыхаю. Кот устраивается на моих коленях.

— Я старалась, Вась. Бегала, бинты подавала, гипс разводила. Руки тряслись, как у кофеманки на девятом эспрессо, а я все равно держалась. До последнего. Несмотря на то, что хотелось сбежать на лестницу и не покидать ее до конца смены.

Кот меняет позу и поджимает под себя лапку.

— А он... — пожимаю я плечами, — смотрел на меня как на детсадовца, потерявшегося в операционной. Словно я мелкая, глупая и вообще случайно попала туда, где взрослые

люди делают взрослые вещи.

Я замолкаю. Слова повисают в воздухе.

Неважно, что кот меня не поймет, — мне просто нужно произнести это вслух. Чтобы само в голове по полочкам разложилось.

— И еще, — говорю я тише. — Рядом с ним я чувствую себя в два раза толще. Он такой стройный, быстрый. Уверенный. А я как уставший бегемот в бахилах.

Васька мяукает. Тихо, но убедительно. То ли хочет утешить, то ли просто напоминает, что он, в отличие от Кирилла, никогда меня не осуждает.

— Да знаю я, знаю. Ты меня любишь. Или просто хочешь лакомство. В любом случае — мне приятно.

Я встаю, осторожно ставлю его на пол.

— Пошли за вкусняшкой.

Эти слова он знает лучше, чем свое имя. Ушки сразу встают торчком, взгляд проясняется. И Василий бодро ковыляет к холодильнику.

Через десять минут он уже дремлет на диване, свернувшись клубком, а я стою в коридоре перед зеркалом.

Ну и видок у меня. Под глазами тени. Волосы — как будто я засунула пальцы в розетку. Лицо опухшее.

Подхожу к дивану, ложусь рядом с котом и натягиваю плед. Подоткнув под бок подушку, устраиваюсь поуютнее.

— Ладно, Вась. Я попробую не обращать внимания на его взгляды и ругань. Вообще забуду о нем. Как зовут, кто такой

— ничего не знаю! Вот увидишь.

Васька замурчал. Мелодично и протяжно.

Я закрываю глаза. И впервые за весь день оказываюсь в тишине. Без команд, без взглядов, без ожиданий.

Только я, плед, кот и маленькая надежда, что в следующий раз будет хотя бы чуть-чуть легче.

Глава 6

Утро начинается не с кофе, а с сообщения в мессенджере. Достаточно было увидеть краем глаза имя отправителя, чтобы сон как рукой сняло.

«Если ты извинишься и избавишься от кота, я, так и быть, тебя прощу».

Недовольно морщусь. Утро с привкусом шантажа.

Могла бы сказать, что удивлена, но нет — это же Денис. Ожидать от него чего-либо другого было бы по меньшей мере наивно.

Со стоном падаю на подушку и в шутку замахиваюсь телефоном в сторону стены. Швырнуть его заманчиво, но он тут ни при чем.

Это не телефон требует изгнания кота и моего покаяния.

И уж точно не телефон виноват в том, что моя голова раскалывается на части. Хотя без виновника здесь не обошлось — сразу вспоминается черная шевелюра Кирилла.

Впрочем, сейчас он мне уже не кажется таким врединой, каким предстал передо мной вчера. А учитывая, что благодаря ему у меня сегодня выходной, на время он для меня автоматически заносится в список героев.

Пока я верчу телефон в руках, он вдруг опять вибрирует.

Вздрагнув, я приподнимаюсь. На экране незнакомый номер. Я опять хмурюсь, но все же отвечаю:

— Алло?

— Это Кирилл Андреевич, — слышится знакомый, удивительно спокойный голос.

Я сажусь. Начальство не будет звонить с добрыми вестями. Значит, что-то случилось.

— Доброе утро. Мне выйти сегодня?

— Нет. — Пауза. — Просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь. Вчера был тяжелый день.

Я моргнула. Это что, сочувствие?

— Неплохо. Пожаловалась Ваське, и это сработало, — усмехаюсь я.

Кирилл сдержанно хмыкает:

— Жаловаться — это правильно. Особенно, если кот сообразительнее, чем некоторые сотрудники.

Я прищуриваюсь. Что это было сейчас? Пассивная агрессия или попытка пошутить? Или у него просто такой стиль общения?

— Это ты сейчас про меня? — спрашиваю в лоб. Пусть обращаться на «ты» было чуть грубовато, но хамить в свой адрес я не позволю.

— Это я сейчас про свою смену, — спокойно отвечает он. — У всех сегодня все валится из рук.

Ясенько. Улыбаемся и пашем.

— Не хотел так резко с тобой. Просто у нас все на бегу, и, если кто-то начинает тормозить, я... срываюсь.

Я замираю, затаив дыхание. Это было... извинение? Или,

по крайней мере, его неловкое подобие.

— Я старалась, — тихо отвечаю, наконец. — Но ты все время злился.

— Я видел, что ты старалась. Это многого стоит. Даже больше, чем ты думаешь.

Так... Стоп. Это он только что меня похвалил?

За окном медленно качаются деревья. Внутри меня тоже сейчас что-то покачнулось. Наверное, броня: в ней пошла трещина.

— Завтра будет хуже? — спрашиваю, глядя в окно.

— Возможно, — отвечает он после секундной паузы. — Но тебе будет легче. Уже многое знаешь.

Ну и как понимать его слова? То напугает, то приободрит.

— И еще... я подумал, что был неправ. — Он вдруг замялся. — Не бойся ошибиться. Лучше сделай и накосячь, чем вообще не сделай. Я не кусаюсь... Ну почти.

— Вчера ты говорил иначе.

— Я передумал. Понял, что перегибаю.

— Ты сам себя слышишь? — смеюсь я. И прикусываю губу. Слишком лихо я перешла на «ты» с начальником.

— К сожалению, да, — вздыхает он. — Приходи завтра на пятнадцать минут раньше. Покажу кое-что по перевязкам. Договорились?

— Хорошо. Приду.

Он вешает трубку. Я кладу телефон на подоконник и долго смотрю, как ветер раскачивает кроны деревьев, — мед-

ленно, словно он такой же нерешительный, как и я.

Василий, мой пушистый антистресс, потягивается и, мякнув, устраивается у меня под боком, пуская в ход свое главное оружие — мурчалку.

— Похоже, он все-таки не совсем чудовище, — шепчу я коту. — Но мне все равно не по себе от того, что меня ждет завтра.

Васька ничего не отвечает. Но его мудрый взгляд говорит без слов: «Ты справишься. Или будешь хорошо выглядеть, когда будешь тонуть».

Я вздыхаю, кутаюсь в плед и тянусь за книгой. Сегодня — только вымышленные драмы. Реальных мне уже с лихвой хватило.

День проходит незаметно. На улице темнеет. Загорается фонарь, принимаясь лупить резким светом прямо в окно.

Я уже который раз смахиваю в телефоне сообщения Дениса, звук и вовсе отключила.

Проще было бы его забанить: нет человека — нет и проблемы. Я даже нажала было на кнопку, но рука дрогнула. Увидит, что я его заблокировала, — слишком много о себе возомнит.

— Вась, идем ко мне, — зову я. — Надо посмотреть твою лапку.

Он, как обычно, делает вид, что ничего не слышит, пока не произносишь магические слова:

— Будет вкусняшка.

Кот сразу спрыгивает с дивана и ковыляет к холодильнику. Но порядок есть порядок: сначала осмотр, потом лакомство.

Проверяю, не появился ли отек, не стала ли лапка горячей. Несмотря на то, что я касаюсь его осторожно, Василий все равно недовольно жмурится. Ему не терпится приняться за еду, и он ужом вертится у меня на руках.

— Кажется, все хорошо.

Опускаю его на пол и подношу к недовольной мордочке угощение, которое Васька быстро сметает.

Кот довольно урчит, а я снова сажусь на диван и открываю книгу.

— Так... «И тут он подошел к ней, взял за руку...» — читаю, улыбаясь. — Видишь, Вась, хоть в книжках еще остались приличные мужики...

Дзин-н-нь!

В вечерней тишине звонок в дверь особенно резко ударяет по ушам.

Вздрагиваю. Васька поднимает голову, настороженно шевелит усами. Я откладываю книгу.

Дз-з-зин-нь! Теперь в звонке слышатся истеричные нотки.

С тяжелым вздохом иду к двери и первым делом смотрю в глазок.

— О нет... — шепчу. — Только не ты.

Конечно, я могу не впустить незваного гостя, но точно

знаю, что если не открою, то Денис не уйдет. Он устроит скандал на весь подъезд.

И только когда открываю дверь, обнаруживаю, что выглядит он не как обычно, с иголки, а так, словно после нашего расставания кутил сутки напролет. Мятая куртка, сигаретный запах. Волосы — будто подрался с феном. Глаза красные, как у зомби после бессонной ночи.

В руках пачка моих любимых конфет, и тоже помятая.

— Привет, — бормочет он себе под нос. — Надо поговорить.

— Денис, поздно уже. Мы вроде как все уже обсудили.

— Я на пять минут. Просто пару слов.

Вздыхаю. «Пять минут»... Обычно его пять минут растягиваются на час.

— Только быстро. И без сцен, — уступаю я и шире распахиваю дверь.

Денис проходит в комнату. А Васька настороженно приближается к нему, садится неподалеку и не сводит с него глаз. Потом угрожающе открывает розовую пасть.

— Он опять шипит на меня, — отталкивает его Денис. — Ты даже кота не можешь приструнить.

— Васька чувствует, когда я не рада гостю. Тебе лучше уйти.

— Аня, ну что ты сразу прогоняешь, — топчется Денис, сжимая в руках коробку конфет. — Мы были хорошей парой.

— Неужели?

— Да... Мы же могли... Ну, могли бы... все исправить.

— Денис, ты обидел меня. Так, что до сих пор внутри саднит. Больше я не хочу пытаться начинать все сначала.

— Ты слишком остро реагируешь.

— Да, нервы у меня стали слабые. Поэтому, пожалуйста, больше не пиши и не приходи.

Вдруг Васька выгибает спинку, поднимает шерсть и, вскочив на дыбы, бросается на ногу Дениса.

Защитник мой с ушибленной лапкой.

Денис одергивает ногу и отступает к двери.

— Ну и злобный он у тебя, — рычит он. — Скажи спасибо, что не вмазал ему сейчас.

Подхватив кота под живот, я отношу его подальше.

— Немедленно уходи.

Денис швыряет коробку конфет в угол и выходит на лестницу.

— Знаешь, ты еще пожалеешь, — зло цедит он. — Все вернется бумерангом.

— Угу. Только не забудь — бумеранг обычно возвращается к тому, кто его кинул.

Захлопываю за ним дверь и возвращаюсь на диван. Васька, прихрамывая, ходит из угла в угол.

— Все, Вась, он ушел, — хлопаю по дивану. — Идем ко мне, мой домашний тигр.

Кот устраивается рядом. Я беру книгу, но не могу сосре-

доточиться. Строчки перед глазами расплываются. В голове свербит мысль: а вдруг Денис и правда что-то задумал?

Я знаю, каким мстительным может быть мой бывший, если обидится по-настоящему.

Глава 7

После бессонной ночи я спешу в больницу. Только прихожу не за пятнадцать минут до начала смены, а за полчаса.

Мне и в самом деле надо повторить сложные перевязки. После экзамена в медицинском колледже прошел уже целый год, и я забыла, как делаются некоторые из них.

Кирилл Андреевич уже в перевязочной.

Еще в первый день работы мне показалось, что он смотрит так, будто видит меня насквозь. Как аппарат МРТ. Просто своими карими глазами — щелк! — и ты уже знаешь, что бинтуешь не так, дышишь не так и вообще живешь, скорее всего, тоже неправильно.

У него даже голос — с металлической нотой.

Сегодня Кирилл Андреевич не повышает голос, не давит — просто говорит. А я уже краснею. В том числе вспоминая наш вчерашний разговор, когда посмела перейти с ним на «ты».

Но сейчас мы снова на работе, и та легкость в разговоре исчезла. Под его ничего не упускающим взглядом меня опять начинает потряхивать.

Хорошо, что учиться я буду на манекене. Если бы здесь был пациент, Штирлиц бы точно провалил задание. Хотя и эта силиконовая нога с искусственной раной выглядит пугающе натурально. Я смотрю на нее как на соперницу — глян-

цевая, молчаливая, не нервничает.

Кирилл подходит ближе.

— Руки вымыты?

— Трижды, — бормочу. — Со щеткой.

Он едва заметно усмехается. И от его красивой улыбки внутренности стягиваются в тугой узел. Отбрасываю мысли о том, что кому-то повезет с мужем, и концентрируюсь на бинтах.

— Покажи, как накладываешь повязку, — говорит он сухо.

Он тоже словно забыл, что вчера звонил и вел дружескую беседу.

Я беру бинт. Пальцы дрожат. Отлично. Сейчас он точно подумает, что я полная профнепригодность. Или инфантильная дурочка.

Впрочем, не это меня пугает больше всего. Главное, чтобы не догадался, что он начинает мне нравиться.

— Вы будете смотреть? — спрашиваю я глупо.

Он поднимает бровь.

— По-твоему, мне пойти покурить?

Я нервно хихикаю. Что со мной, Господи?! Я же не на свидании. Я на работе.

И вот он подходит. Совсем рядом. Наклоняется, берет бинт, его уверенные пальцы касаются моих. Я чуть не роняю все на пол.

— Бинтуй не туго, — показывает он и первым накладыва-

ет повязку на глянцевую ногу манекена. — Натяжение должно быть небольшим. Не давим, просто удерживаем.

Я киваю, пытаюсь слушать его наставления, но слышу только стук своего сердца.

— Вот здесь прижимаешь, здесь бинт перекручиваешь...

— Чтобы не дать ране снова открыться, — продолжаю я его реплику.

И тут же хочу провалиться сквозь землю. Зачем я это сказала? Мое дело сейчас слушать, потом повторить увиденное. Все остальное лишнее.

Кирилл смотрит мне в глаза. Долго. Слишком долго.

— Именно, — наконец, говорит он.

Я отступаю назад, сбиваю поднос. Бинты падают, рассыпаются по полу. В панике начинаю собирать их.

— Простите! Это все из-за...

— Не извиняйся, — говорит он вдруг мягко. Совсем не так, как раньше. — Это всего лишь бинты.

Я поднимаю на него глаза. И понимаю, что не такой уж он и страшный. Страшно другое — то, что рядом с ним я опять перестаю владеть собой, и причина этого теперь еще хуже, чем в предыдущий раз.

— Может, кофе во время перерыва? — спрашивает он вдруг. — Обсудим, как не бояться перевязок и нервных пациентов.

— И требовательных травматологов, — робко улыбаюсь.

— Ты меня все еще боишься?

— Скажем так, остерегаюсь.

— Я никого не ем. Разве только по субботам.

— Сегодня как раз суббота, — смотрю на него смелее.

Губы Кирилла трогает едва заметная улыбка. Настоящая.

На короткий миг он снова становится таким простым и понятным, как в тот день кото-апокалипсиса.

Мгновение, и он стремительно выходит в коридор, его силуэт теряется среди других белых халатов.

Вот-вот должна была начаться эта маленькая пауза посреди дежурства — когда у тебя в руках горячий стаканчик с горьким кофе и ты поддерживаешь беседу, в которой нет ни крови, ни костей, ни рентгеновских снимков... Как вдруг — грохот.

Дверь ударяется о стену, а за ней в отделение врывается голос.

Мужской. Недовольный до омерзения. От такого у любого человека рефлекторно сжимаются внутренности.

— Вы что, идиоты?! Я сказал — не так!

Я замираю. Где-то внутри меня заискрилась неприятная догадка. Знакомый голос. Слишком знакомый. Противно знакомый.

Страхиваю оцепенение. Вот до чего доводит бессонница: мне только под утро удалось заснуть, и то привиделся Васька в медицинском халате. Скоро вообще всякая дичь будет наяву мерещиться, а не только голоса.

Из коридора доносится дребезжание каталки, на время перекрывающее истеричные вопли пациента.

— Пьяный на скутере врезался в забор. Перелом. Левая голень, — выкрикивает на бегу медсестра. — Зови Кирилла Андреевича в смотровую. Срочно.

Только было ушло напряжение между мной и Кириллом, и даже появилось нечто неувловимое, как опять все пошло наперекосяк. «Добро пожаловать в реальность», — вздыхаю я.

Забегаю к Кириллу, от него спешу в бокс перед смотровой и переодеваюсь в экстренный костюм.

Когда надеваешь маску и перчатки, будто вживаешься в другую кожу. Больничную и холодную. В ней нет места эмоциям. Только действия, только работа.

Вхожу в смотровую...

И сердце останавливается.

На каталке — Денис.

Лицо перекошено: боль, злость и, конечно, фирменное выражение «Мне все должны».

Нога его выглядит нехорошо. Даже я вижу, что дело серьезное.

— Ну чего застыла? Давай, сделай что-нибудь! — стонет он, не теряя традиционной мерзости в голосе. — Откуда таких вообще берут?

Я смотрю на него, будто впервые вижу.

Секунда. Другая.

— Аня? Ты?! — приподнимает он брови. — Точно ты. Только тебя мне сегодня не хватало.

Засмеялся. Резко, неуместно. От покрытых плиткой стен отражается эхо. Еще более неприятное, чем голос Дениса.

Я смотрю на него как на чужого. Хотя знаю все его жесты, родинку вот эту на шее тоже знаю, и маленький шрам на плече. Но теперь он просто пациент. Просто работа.

— Ну что, рада? Считаешь, это бумеранг? — доносится, будто издалека.

Я не отвечаю.

Появляется Кирилл.

— Перелом голени со смещением, — констатирует он. — Обезболили?

— Нет, я кайфую, — не может удержаться Денис. — Конечно, укололи.

— Если будете хамить, — Кирилл нисколько не меняет свою бесстрастную интонацию, — могу предложить альтернативное лечение. В отделении полиции.

И выходит.

— Надо же! — фыркает Денис. — Толстушка, он заступается за тебя. У вас роман, что ли? Поэтому ты меня бросила?

Прежде чем я успеваю отреагировать, сзади раздается резкий оклик:

— Молодой человек, у нас не базар! — Это вмешивается Игнатьевна, бойкая пожилая санитарка. — Ведите себя прилично — или я вас сама в морг отправлю. На отдых.

Денис хмурится, еще что-то бубнит себе под нос, пока, наконец, не изволит замолчать.

От стыда я опять готова провалиться сквозь землю. Но Игнатьевна лишь ободряюще мне подмигивает.

Глава 8

Наступает перерыв, но получается он скомканным: ни посидеть, ни перевести дух. Вместо уютной столовой мне пришлось зависнуть у кофейного автомата. Только я потянулась за горячим стаканчиком, как появляется Кирилл Андреевич.

Почти не глядя, он тычет в кнопки и заказывает себе крепкий черный кофе без сахара. Мы вдвоем молчим под деловитое пыхтение и похрипывание аппарата, пока, наконец, Кирилл не забирает стакан.

— Я тут подумал, — говорит он, отпивая. — Надо тебе попробовать себя в качестве операционной медсестры. Через полчаса начинаем оперировать. Идешь?

Я зависаю. Как это — я? В операционную? Мозг в панике ищет отмазку, а лицо предательски вспыхивает.

Кирилл молча допивает кофе, с хрустом сминает стакан и кидает его в урну.

Попадает мимо, но кто ему скажет?

— Если ты сейчас скажешь: «Я боюсь», — то дальше пойдешь мерить давление бабушкам. Выбирай.

Сердце тут же начинает долбиться где-то в районе шеи. Этот человек — он как ледяной душ после бессонной ночи. То приободрит, то швырнет в самое пекло.

— Я приду, — говорю, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Почти получается.

— Первый раз страшно, — усмехается он, разворачиваясь. — Второй — тошно. А на третий поймешь, что жить без этого не можешь.

И уходит. Просто так. Как будто не вбросил только что в мою жизнь еще одно испытание.

Стою, перевариваю услышанное. А потом — как обухом по голове: операция-то будет у Дениса.

Сжимаю кулаки, губы складываются в беззвучную фразу из крепких выражений. Проговаривать их вслух не стану — я же на работе. Но внутри становится чуть-чуть легче.

Операционная встречает меня холодом и стерильной тишиной.

Здесь даже воздух кажется отфильтрованным от всякой теплоты. И свет с непривычки беспощадно бьет прямо в глаза.

Марина, высокая и стройная медсестра, за работой которой я буду наблюдать, поправляет колпак и подхватывает Дениса под плечи, Игнатьевна держит его за туловище, и они перетягивают пациента с каталки на операционный стол.

Оказавшись под лампами, Денис корчит кислую гримасу. Поморщившись, он недовольно дергается: то ли от боли, то ли от осознания, куда его привезли.

Я стою у стола с инструментами и изо всех сил стараюсь выглядеть профессионально. Не получается. В голове все еще звучат слова Дениса, сказанные мне на прощание:

«Если найдешь идиота, который захочет на тебе жениться... Только он еще должен быть слепым...»

— Шприц с анестетиком, — спокойно отдает распоряжение Кирилл, поворачиваясь к медсестре. — Приготовь физраствор.

И затем смотрит на меня:

— Замени перчатки.

Его уверенность действует на меня как успокоительное. Все ненужные терзания отступают, на их место встают четкие инструкции.

Я меняю перчатки. Спокойно, без дрожи. Без лишних мыслей. Ну почти.

— А ты, значит, теперь ассистируешь? — хрипит Денис, чуть приоткрыв глаза. — Может, еще и хирургом заделаешься?

— Усыпите пациента, — не моргнув, говорит Кирилл.

Анестезиолог, худощавый пожилой мужчина, кивает и вводит Денису в вену жидкость цвета разбавленного молока. Тот уходит в бессознательность, а я вздыхаю с облегчением. Наконец-то.

Скальпель в руке Кирилла будто сливается с его пальцами. Он делает первый надрез.

Я слежу за происходящим во все глаза — и за Кириллом, и за операционной медсестрой, и за анестезиологом.

— Интересная у тебя прошлая жизнь, — бросает Кирилл, не отрываясь от дела. — Обычно бывшие не возвращаются.

Особенно вот так, на каталке.

— Это еще не худший вариант, — фыркаю. — Хуже, если бы он пришел с цветами. Хотя... приходил.

Кирилл коротко усмехается. Работа продолжается. Спустя какое-то время он делает паузу.

— Сейчас надо подождать. А ты пока потренируйся подавать инструменты.

Я киваю и сосредоточенно вглядываюсь в лоток. Все блещит, как на выставке холодного оружия.

— Вот скальпель. Знаешь, как его подать? Не по книжке, а так, чтобы я даже не задумался?

— Эм... нет, — честно признаюсь.

— Тогда смотри, — показывает Кирилл, — и слушай. Ты будешь ошибаться — я буду ругаться. Ты будешь путаться — я буду ругаться громче. Но если через месяц ты начнешь читать мои мысли, то я сам пойду к главврачу и скажу, что ты — моя находка. Идет?

— Идет. Хотя я думала, что ругаться на меня вы уже не будете.

— Сегодня суббота, а по субботам я... — хмыкает он, глядя мне в глаза.

Денис тихо стонет. Поднимает веки, смотрит в потолок мутным взглядом, как будто пытается вспомнить, кто он и что тут делает.

Анестезиолог увеличивает дозу препарата, и под тихий перестук инструментов работа продолжается.

Кажется, проходит вечность, пока Кирилл собирает раздробленную берцовую кость. Время словно застыло в этой операционной. К моменту, когда все заканчивается, у меня болит спина, как будто я три дня копала картошку. Шея противно затекла, и пальцы гудят.

— Ну что, первый блин не совсем комом, — довольно говорит Кирилл. И тут же теряет ко мне интерес. — Увезите пациента в реанимацию.

Пока соображаю, что ответить, он снимает маску и перчатки и выходит из операционной.

Глава 9

Поздний вечер. Вползаю в квартиру как герой фильма про зомби-апокалипсис, только что выдержавший битву за выживание в больничном отделении.

Ноги не идут — они тащатся, будто мне с ними не по пути. Дверь с громким стуком захлопывается за спиной, и я, проклиная цивилизацию, начинаю снимать кроссовки. Они прикипели к ногам так, что их впору уже считать моими новыми биологическими конечностями.

Из спальни появляется Васька. Застывает на пороге.

Его передняя правая лапка аккуратно поджата, а сам он, пытаясь удержать равновесие, покачивается из стороны в сторону.

— Привет, старина, — бурчу я и запускаю пальцы в его шерсть. — Скучал без меня?

Кот громко мурлычет. Мне хочется обнять его и прижать к себе.

Как хорошо, когда возвращаешься домой и там тебя ждут. Даже если это кот.

— День был сегодня... ну, если кратко — ужас, — продолжаю его наглаживать. — Прости, Вась, что меня не было так долго.

Васька смотрит молча. Но в этом взгляде столько укора, что мое чувство вины раздувается до космического масшта-

ба.

Сажусь на банкетку. Она подо мной надрывно скрипит, будто тоже хочет пожаловаться на жизнь.

— Все еще болит? — спрашиваю, хотя вижу, что да.

Кот, демонстративно прихрамывая, делает возле меня круг почета.

Не выдерживаю и беру его на руки. Глаза у него ясные, на вид здоровые.

— Хотя с глазами порядок, — говорю с облегчением. — Капать сегодня не будем.

Пытаюсь осторожно осмотреть лапу, но Васька не позволяет мне ее трогать. Лишь слегка поджимает ее — и тут же тычется мордой в ладонь.

Я хмурюсь. Лапа выглядит обычной, но Васька явно чувствует себя хуже, чем вчера.

В голове тут же включается панический режим.

Что, если Антон ошибся? Вдруг не ушиб, а перелом? Или редкий кошачий артрит?

Чтобы отвлечься, думаю о странном: бывают ли коты-левши? Или у них лапы универсальные? Хотя какая разница — Ваське мышей ловить не надо. У него холодильник всегда полон. Ну, почти всегда.

Хотя... А вдруг у него есть мечта? Тайное желание ловить мышей на закате? А тут лапа... да еще правая...

— Пошли, — говорю, наконец. — Будет тебе за страдания компенсация. Вкусняшка.

На кухне у него включается режим пылесоса, и лакомство исчезает мгновенно.

Кот жалобно мяукает, глядя то на меня, то в пустую миску.

Мое сердце предательски капитулирует.

— Ну все, — говорю, насыпая добавку размером с Эверест. — Это в последний раз. Слышишь?

Конечно, он слышит. И конечно, он не верит.

Да и я тоже.

На следующий день я выхожу работать в ночную смену.

Дениса уже перевели из реанимации в обычную палату. Будь моя воля, я держалась бы от него как можно дальше, но сейчас он моя работа.

Поэтому я кладу в перевязочный лоток шприц, бинт и иду к нему.

Бывший лежит на кровати с бледным лицом, повязкой на ноге и воткнутой в руку капельницей. Или он спит, или очень старательно притворяется.

Снотворного в карте назначений нет — значит, скорее всего, притворяется. Ему не впервой.

Но все равно захожу на цыпочках, чтобы не потревожить. Мне незачем провоцировать новый виток ехидства.

Денис открывает глаза. Секунду-другую смотрит в потолок, как будто не может вспомнить, кто он и что тут делает. Потом переводит взгляд на меня.

— Живая, значит, — сипло произносит, и в голосе уже слышен знакомый сарказм.

— Вообще-то, я тут работаю, — отвечаю сухо. Надеюсь, что мой тон отобьет у него желание говорить.

Он несколько раз моргает, пытается сосредоточиться, потом слегка усмехается:

— Мне снилось, как ты мне ногу отпиливаешь.

— Даже во сне ты завышаешь мои способности. Ногу спасли, прогноз хороший. Еще и танцевать сможешь. Если найдешь добровольца, кто согласится смотреть.

Пауза. Денис снова смотрит в потолок. Потом на меня. И вдруг устало улыбается — не своей фирменной ухмылкой, от которой сразу делается тошно, а по-настоящему.

— Ты хорошая, — говорит он совершенно искренним голосом.

— Это обезболивающее, не обольщайся, — не ведусь я на его тон.

— И оно тоже. Но все равно спасибо.

Я молча подхожу к кровати, меняю капельницу. Проверяю повязку. Он чуть дергается — то ли от боли, то ли от неловкости.

— Больно?

— Немного. Но я справлюсь. Я же герой, — криво усмехается.

— Герой, который в три ночи въехал пьяным в забор, — ворчу я. — Ну-ну.

— И встретил бывшую в приемном покое. Признай, это же судьба!

— Это расплата. Лучше молчи, герой.

Он хмыкает. И — о чудо! — замолкает. На целых две минуты. Пожалуй, рекорд.

Я заканчиваю, выпрямляюсь и беру лоток. Уже почти подхожу двери, когда слышу за спиной его голос:

— А может, выпьем вместе кофе как-нибудь?

Я оборачиваюсь. Он снова смотрит на меня с улыбкой, в которой нет ни капли фальши. Как будто он просто хочет быть услышанным. Как будто, может, впервые понял, что у других людей тоже есть чувства.

— Посмотрим, — слегка улыбаюсь в ответ.

Мой голос звучит спокойно, почти ласково. Только правда в том, что ничего я смотреть не собираюсь. Хватило мне его придирок и обзывательств на целую жизнь. Но, если скажу это вслух, он опять заведется и крики будут слышны на все отделение.

А мне сейчас нужна тишина и покой.

Денис серьезно кивает, будто мы заключили договор о мире.

— Я изменился...

— Попробуй сначала встать. А уже потом зови кого-нибудь на кофе.

Выключаю свет. Слышу, как он тихо усмехается, но больше ничего не говорит.

Мягко закрываю за собой дверь.

А за окном, вдалеке, медленно светает. Начинается утро.

Глава 10

День проходит без нервотрепки.

Василий все так же хромает, и я еще раз отношу его в клинику к Антону. Снимок показывает, что перелома нет и все суставы здоровы. Хорошая новость.

Следующим утром я снова мчусь на свою смену в больницу.

К Денису стараюсь не заходить. Дежурство на посту у меня на пару с Ольгой, худенькой медсестрой примерно моего возраста, и я попросила ее присмотреть за моим пациентом. В ответ пообещала, что выйду на смену вместо нее, когда ей понадобится отгул.

Мне хотелось бы увидеть Кирилла, но он, как назло, сидит закрывшись в своем кабинете и в отделении не появляется.

Ближе к вечеру привычную рутину нарушает возмущенный возглас Игнатьевны:

— Где это видано, где это слыхано!

Голос ее прогремел так, что из палат повыглядывали пациенты. А сама она, уперев руки в бока, стала посреди коридора.

— Вы о чем? — спрашиваю я, оторвавшись от карточек.

— О швабре! Ты не видела, чтобы кто-нибудь выносил швабру из отделения?

Я задумываюсь, машинально покусывая кончик ручки.

— Нет... — наконец, пожимаю плечами. — А что? Швабра пропала?

— Пропала! — Игнатъевна аж подпрыгивает от возмущения. — И не одна, а несколько!

Прищурившись, она окидывает коридор подозрительным взглядом, будто ожидает, что пропажа вот-вот материализуется сама собой.

— Не понимаю, кому они вообще сдались, — флегматично вставляет Ольга, не прекращая смотреть в монитор.

— Как это — кому сдались?! — Игнатъевна всплескивает руками, и ее халат взвивается, как крылья встревоженной птицы. — Это же были новые, дорогие швабры! С паром! С вращающейся ручкой! Ими пол мыть — одно удовольствие!

Тут в коридор забегают Настя, еще одна санитарка, отвечающая за чистоту в операционной и процедурной. Запыхавшаяся, она растерянно смотрит по сторонам.

— Робот мойщик полов тоже пропал! — выкрикивает она. — И робота для мытья окон я нигде не нашла!

В коридоре повисает тишина.

— Надо вызвать полицию, — наконец, говорю я.

— Сначала Кириллу Андреичу доложить! — резко бросает Игнатъевна и разворачивается в сторону кабинета заведующего.

Переглянувшись, мы все, словно по сигналу, двигаемся за ней. В итоге к кабинету подходит целая процессия: Игнатъевна, Ольга, Настя, я, а следом, прихрамывая, еще и пожи-

лая пациентка из двенадцатой палаты, которой «тоже стало интересно».

Когда, постучавшись, мы вваливаемся в кабинет к Кириллу Андреевичу, он уже сидит за столом с выражением чело- века, готового к самому худшему.

— Опять что-то случилось? — спрашивает он устало.

— Кирилл Андреич! — Игнатъевна снова упирает руки в бока. — У нас техника пропадает! Швабры, роботы!

Заведующий медленно переводит взгляд с нее на нас, потом на дверь, за которой уже толпятся любопытные, и глубоко вздыхает. Потерев переносицу, он выносит вердикт:

— Ищите швабры. Все переверните. Если не найдете — будем заказывать новые.

— Да какие «новые»! — всплескивает руками Игнатъевна. — Эти же с подогревом, с турбощеткой! Таких сейчас днем с огнем...

— Ищите, — перебивает ее заведующий, и в его голосе звенит сталь.

Мы разбредаемся по отделению и начинаем заглядывать в каждый угол. Вскоре к нам присоединяются санитарки из терапевтического корпуса — Марина, Людка и Зоя, которые, услышав о пропаже, сразу загорелись идеей помочь.

— Может, в подвал заглянем? — предлагает Людка, поправляя резиновые перчатки. — Вдруг вор припрятал их там среди хлама?

Подвал больницы оказывается местом мрачным и сырým,

с низкими сводами и липким от влаги полом. Фонарики наших телефонов выхватывают из темноты груды старых картонных коробок, сломанные штативы для капельниц и прочий пыльный хлам.

Мы обходим несколько помещений, но ничего, кроме такого же мусора, в них нет. Добираемся до закутка, расположенного в самой глубине подвала.

И вдруг я вижу, как среди серой пыли в свете телефона мелькнули яркие трубки.

— Ого! — ахает Настя, указывая в угол.

Там, аккуратно прислоненные к стене, стоят две швабры. Рядом робот-мойщик — валяется, будто его бросили на полпути.

— Ну наконец-то! — бросается Игнатъевна к заветным орудиям и выхватывает свою любимую швабру, с синей ручкой.

И тут Зоя резко ахает.

— Фу-у-у... — морщась, поднимает она ногу. — На что это я наступила?

Фонарик выхватывает из темноты яркую полосу: в пыли валяется лента с красными блестками, будто ее только что обронили.

Сердце вдруг бешено заколотилось: я узнала ее. Это же моя заколка! Машинально трогаю пустое место у себя затылке. Я ведь помню, как утром цепляла ее на прическу!..

«Кто-то взял мою заколку и подбросил сюда. Чтобы обви-

нить меня?» — мысль кажется дикой.

Почему? Зачем?

Я ведь никому не перешла дорогу, не навредила.

Колени слегка подкашиваются.

Игнатьевна наклоняется, поднимает ленту и вертит в руках.

— Чья это? — оглядывает она всех по очереди.

Я замираю. Вспомнят ли? В четверг я точно носила ее. Ольга, которая тогда тоже была моей напарницей, даже сказала, что красный хорошо сочетается с моими волосами. Но сейчас она молчит и лишь пытливо разглядывает находку в руках санитарки.

— Не знаю... — бормочет Настя.

— Может, Ларисы? — подает голос Людка. — Но она неделю как в отпуске.

Я чуть не выдохнула с облегчением. Но тут Игнатьевна прищуривается:

— Аня, тебе эта заколка ничего не напоминает?

«Она знает», — запульсировало в висках от страха.

— Н-нет... — я постаралась сделать лицо безмятежным, но голос предательски дрогнул.

Игнатьевна медленно кивает, забирает ленту себе в карман халата и твердо говорит:

— Пойдемте к Кириллу Андреичу!

Остальные, зашевелившись, направляются к выходу, а я застаеваю на месте и пытаюсь лихорадочно сообразить, что

же делать.

Бежать?

Выдумать алиби?

Сказать, что ленту украли?

— Аня, а ты чего? — оборачивается Ольга.

— Иду, — выдавливаю я и плетусь за всеми.

Все мысли только об улике в кармане Игнатьевны. Что обо мне подумает Кирилл Андреевич?.. Лицо вспыхивает, в глазах темнеет от напряжения.

Сказать правду? Или понадеяться, что мне показалось и Игнатьевна ничего не вспомнила?

Мы приближаемся к кабинету заведующего, его приоткрытая дверь покачивается на сквозняке.

Так ничего и не решив, я глубоко вздыхаю и последней захожу в кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.